

Только недавно холодным телом лёд опустился под воду. Он растрескался, побурел и приобрёл те землистые коричнево-жёлтые оттенки, которые обычно видны на смытых откосах.

Освобождаясь, река зябко подрагивала, рябила от ветра. Порой настороженно замирала, ожидая близкой перемены к теплу. Приволье не огласилось ещё весенними звуками, а лишь в полузабытьи дремотно молчало, природа не спешит, успеется, всему свой час.

И сырели во влажной прохладе леса, по утрам туман кутал их, превращая в серые клубящиеся тени. Дотемна толпились они по обочинам изъезженных, усталых дорог. Раскачивались скрипучие стволы, их скупая короткая тень издали походила на синеватую дымку. Черневшие ветви, словно вытянутые руки, обращались к небу, приветственно махали птицам, что летели с юга в родные края.

Как-то, уже вечером, спускаясь к речке, Мария вдруг заметила травяную прозелень и с облегчением подумала. «Быть теплу, пора уже, заждались. В яму слазить

надо бы, картошку подготовить на посадку». Она остановилась, глядя на половодье, на рассыпавшихся по вечерней луговине ребятишек, которые спускали на воду самодельные кораблики-парусные лодки и плоты из сосновой коры.

Мария села на пригорке, опустив в широкий ситцевый подол большие, посечённые глубокими морщинами руки. Звонкое веселье ребячьих голосов с гиканьем катилось под горку. «Ого-го-го-го», – разносилось окрест.

«Матери теперь не докличутся их вечерять, до ужина ль им, поди, про всё позабыли, – подумала она, – вовсе запыхались. Ишь, веселятся, пострелята. Скоро-то повырастали, уж и вправду, как грибы после дождя. Не успеешь обернуться, смотришь, из пацанвы, что в соседский сад за пашком лазили, солдаты вырастают. В армию по осени вон сколько с нашей улицы пошли».

Луг клубился, парил белым маревом. Вечер мягко и покойно стелил себе молочную пуховину, белый туман плыл по земле. И только в тонких полосках зари

он багровел, наливаясь густым сочным цветом, тягуче простирался на запад, к солнцу, которое ревностно хранило и оберегало своё последнее закатное пристанище. Но всё это уже ненадолго. Деревня Трубичина уже затихла в полутьме. Укрытая шиферными крышами, она ещё не зажгла огней, только подумывала об этом, будто выжидая чьего-то шепотливого дозволения, не закрыв ставен и запоров, прислушивалась к вечерним шорохам.

Мария не заметила, как сзади подошла Ульяна и тронула её за плечо.

– Сидишь, небось, тепла дожидает? Теперь потеплеет, – она поправила на голове платок, бережно шепоткой собрала его в две аккуратные складочки у виска, укрыв лоб. – Но ты, всё одно, пока остерегись. Смотри, не застынь, от земли тянет, – Ульяна наклонилась ближе, по-старушечьи сгорбившись, ещё больше сжав и без того узкие плечи: – Гляжу я, али рогожку подстелила? Да ведь и то не помощь, девка.

– Небось, не застужуся. Это я так, сейчас уж я пойду. На праздник-то заходи. Тебя проведать времени нет, хоть и рядом живём.

Дом Марии стоял на пригорке, на самом краю. Трубичина – вот она, близко, рукой подать. Белым светом мелькнет ульянин платок и затеплится в окошке на той стороне. «Значит, жива, – подумает Мария, успокоится, – вот и хорошо».

– Что ходить зря, – продолжала она, – у каждого и своих дел много, придёшь, да не ко времени, всё беспокойство лишний раз, а ты хлопотливая уж очень с гостями, не присядешь ни на минутку, всё суетишься, хлопчешь.

– Говори, говори, не сердчаю я вовсе, разве не понимаю. К празднику приду, чай не порознь отмечать, не чуешь, беды вместе пересиливали. Сколько нам осталось справить праздников? Может, ещё один всего-то. Что осталось, то всё наше будет, не минет, всему свой черед придёт. А только знаю, каждому время остановку сделает. Я раньше от вас пойду, как и Коля мой, тоже вперёд твоего Митрия ушёл, полегли в землицу, милые. А ты за мной не спеши, молодая ещё, погуляй по лужку, да без меня уж. Беды все уже за плечами и в середине, – она притронулась рукой к плюшевому жакету. – Только не было б войны, всё пересилили и повидали, – она задумалась. – Худо-бедно, а жизнь прожили в труде да в заботе, конечно, не всё гладко было, не как по писаному, не как в книгах пишут. Может, что я не так, обидела когда, ты уж извиняй. Но одно, Мария, знай, душой не кривила – этого во всю жизнь не было...

– Что-то ты всё про одно заладила, будто и разговору нет никакого другого. Соткуда идёшь, с магазина?

– Ты не перебивай, нешто часто об этом говорю, иль надоесть уж успела? Значит, надо мне сказать тебе кое-что, давно не виделась, случай подходящий.

Она говорила всегда чуть нараспев, но теперь голос её дрожал, спотыкался, как будто она шла по ухабистой дороге.

– Иду, а сама уж чую, последние денёчки по земле дохоживаю, оттого и не сидится дома. Пойду, думаю, на людей погляжу, кругом деревню обошла. Да вот, аж на вашу сторону-то и вышла, – Ульяна замолчала вдруг, будто что припоминая. – Летом

помирать хочу, в травушках, в земле обмягчелой успокоиться, чтобы птицы кругом, соловьи. Бог даст, не обидит, просьбу мою уважит. У меня всё уже припасено, сама знаешь, об этом не заботься, одна просьба к тебе будет – не несите на новое кладбище, положите меня рядом с матерью, как раз там местечко осталось. Про то и Степану-председателю скажи, хочу, мол, рядом с могилами солдат наших лежать, солдаты-то для меня всё равно что муж мой погибший. Вот и всё, что сказать-то хотела, сказала. За солдатскими могилами ты, я знаю, и без меня присмотришь, но напоследок сходить бы надо. А на праздник приду, а не приду, не серчай, значит, причина есть. Домой пора, находилась, устала я, прошла всего-то ничего, а силу и растратила, в следах моих сила осталась.

Мария посмотрела вслед, и ей вдруг показалось, что она увидела на дороге следы Ульяны, которая медленно спускалась под горку к мосту. В тишине было отчётливо слышно, как повторила она, обернувшись. «Приду, приду на майские, иди, Мария». Там, за рекой, была её деревня, и ей надо было поспешать, верно, чтобы успеть ещё что-то сделать, очень важное, потому что дальше откладывать было некуда.

И правда, никогда не говорила Ульяна, что помирать собралась. Мария ни разу не слышала от неё такое. Если сказала, значит, неспроста. Не любила она говорить впустую, бросать слова на ветер, не любила и жаловаться, сожаления у людей себе выпрашивать. С самой войны, когда и просить-то не у кого – к каждому похоронка наведальась, ничего не вернёшь, не

поправишь и ничем тут не поможешь.

«Ваш муж в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит...» Такое известие сначала Ульяна получила, а потом и Мария, иные и вестей никаких не имели. Из всей деревни только и объявился через три года после войны один Фёдор Коростель. Скрывался, его разыскала мать и привезла домой, калеку без обеих ног, в коляске, понятное дело, думал, кому такой работник в доме нужен. Матери правду сердце подсказывало – жив сын. Жена, та и года не прождала, как война кончилась, с заезжим демобилизованным в Сибирь подалась, подалее укатила, с глаз долой – из сердца вон – скатертью ей дорога.

После возвращения Фёдора Коростеля другие тоже надеяться стали, ну, и что ж, что калека, лишь бы живой вернулся... Разыскивали, заявки на радио посылали. В мирное время к военным утратам добавлялись новые, умирали мужики от тяжёлых ран. Троих похоронили всем миром, рядом положили, памятник сделали. Никого из родных в деревне у них не осталось, вот и решили Мария с Ульяной ходить вместе к ним на могилку.

...Долгие солдатские проводы третий месяц перекидывались от одного двора к другому, от застолья к застолью, пока не обошли всю деревню. Провожали последних мужчин, дома оставались старики, женщины и дети, им на своих плечах тянуть хозяйство. Раскатистые переборы баяна слышались до рассвета и затихли только перед самой зарей, оборвались где-то за дальней околицей. В этом прощальном гулянии не было радости. Казалось, в воздухе уже

виталя безудержная тоска, ощущение беды и неизвестности, в углах у икон горели лампы. И у стариков, повидавших разное на своем веку, от тяжких предчувствий щемило и холодело сердце.

Рассвет, как ушатом студеной воды, окатил гулянку, в которой люди в минуту расставания хотели позабыть про всё. Но не могли, не отпускала от себя тревожная дума о большой названной беде, в которую всё ещё никак не верилось. Не могли поверить вот так, неожиданно, сразу, не могли до конца понять случившегося, того, что ворвалось в их жизнь и стояло уже у порога. Недолгое, короткое веселье оборачивалось слезами да горем.

Марии вспомнилось, как плакали, провожали своих, будто зная наперёд, что не вернутся назад. Пристально глядели им вслед, когда редким строем шли они по деревне. Скучная походная надобность, собранная с вечера в вещмешок, — ложка, миска, пара портянок на смену да домашняя снедь с пахучей буханкой свежее испеченного хлеба — едва заметно оттягивала сильные мужицкие плечи. Расправляя на себе ладные сатиновые рубахи, мужики, казалось, тосковали уже без привычного — работы, крестьянской, тяжёлой, да нужной.

Тогда, она хорошо помнила, в строю вдруг вспыхнули обернувшиеся родные глаза. Словно магнитом притягивали они к себе её, Мариин взгляд. Сколько раз возвращались уже после, манили; когда похоронку получила, во сне всё возвращались к ней его глаза. Тогда, напоследок, они смотрели так, будто прощаются навсегда — смотрели на неё, на открытую настезь калитку, готовую ещё впустить во

двор только что ушедшего, на огненно-красную рябину в полисаднике, где отцвела уже мальва. Его глаза в последний раз смотрели на притихшую улицу, ожидающую чего-то неминуемого, страшнее чего на свете не бывает.

Матери да жены, сестры утирали слёзы. Кто-нибудь первым взмахивал платком над головой, будто выпущенные на волю птицы взмывали они то поодиночке, то робкими белыми стайками. Казалось, хотели взлететь, но, не преодолев невидимый преграды, сникали, в бессилии опускались. Марии казалось, что и она летит вместе с ними, да только не настичь ей уже Митрия.

По молодости Мария с Ульяной подружками не были, в войну судьба свела, горе сблизило, Ульяна была десятью годами старше Марии. Николай и Митрий вместе пошли, в сорок первом, вместе в артиллерии служили. Получит Мария долгожданный треугольник и бежит лугом в Трубичину привет передать, расспросить, что там Николай написал, может, ещё какие вести с фронта и всё такое...

А нет письма, ноги сами к Ульяниному дому приведут. Подойдёт к калитке, а открывать боится, не знает, какая новость поджидает и чем на этот раз Ульяна встретит её, какими словами. Зиму и лето довелось Николаю и Митрию вместе воевать, пока Николая не убили под Ржевом. Один Митрий письма писал, да через год и его не стало в живых, убили.

Скрипнула дверь, Мария не заметила, как и до дома дошла. «Надо бы дверь смазать да петли поправить, а то пол стачивается. Где краска сошла, уже митина повилась, обтёртая дужка. Поправлю и закрасшу маслинкой, давно полы

не крашены, освежить надо», – про себя подумала она и перешагнула порог.

Короток сон, чуть свет Мария, накинув на плечи кожушок да сберегая драгоценную минутку, наскоро закутавшись пуховым платком, с ведром спешит к корове, животное проснулось, не может оно без человека.

Мария держала хозяйство – уток и пятнистую в белое крупное яблоко буренку Пеструшку. Она была спокойная, податливая и только в пору отела становилась норовистой и несговорчивой. Не отвечала на ласку, тревожно мычала, зализывала качающегося, непрочно ещё стоявшего на земле телка и настойчиво требовала корма.

Мария вышла во двор, утродохнуло на неё парной, травяной сыростью, идущей от земли. Выпавшую на заре росу ещё не успел обдуть ветер, и она белыми каплями густо лежала на траве. Пёс Трезорка не высовывался из своей конуры, чуя холодную росу, он отлеживался на отогретой подстилке. Только раз загремел цепью, видно, поднял морду, но, прислушавшись, не заскулил, уловил привычный звук шагов – это хозяйка встала и принялась за дела. Всё спокойно, можно подремать в полутьме, уткнувшись чёрной мордой в передние мохнатые лапы.

Прошла неделя. Мария копалась в огороде, уже и картошку успела посадить. Теперь бы заморозков не было. В доме навела порядок, убралась, двойные рамы выставила, всё, что с зимы осталось, состирнула. Управилась как будто, да всего вовек не переделать, одно дело справишь, другое за спиной уж стоит, своей очереди

дожидает, ты к нему, а там, глядишь, ещё какая необходимость появится, всё, как на ниточку, нижется.

Праздновали вместе, по соседски, пришла Ульяна, вот и вся компания, кто ещё нужен. Посидели, поговорили о том, о сём, потом пошли на кладбище, со стола понесли в узле пироги. Майские праздники совпали с родительскими днями.

Шли берёзовой аллеей. Директор школы со своими ребятами сажал, хороший человек, скольким он в жизни правильную дорогу указал, добрым словом бывшие ученики всегда вспоминают его, часто в школу наведываются, не забывают.

Навстречу шёл Степан-председатель.

– Здравствуй, Степушка. С кладбища, маму небось проводывал? Надо, надо... А мы с Марией припозднились, – Ульяна неожиданно первой завела разговор.

– Знаю, о чём спрашивать станешь, передали уж мне, доложили обстановку, – Степан кашлянул и провёл рукой по волосам, приглаживая их. – Так вот, значит, такой уговор, просьбу твою удовлетворим, а ты, Ульяна, тоже должна пойти навстречу. Агронома к нам прислали, молодого специалиста. Возьмёшь на квартиру? И тебе помощник будет, дрова привезёт, да и по хозяйству, чего надо, справит. Слышал я, ты огород ноне ещё не копала? Как, будут возражения? Вижу, что не против, вот и ладно. Завтра, значит, и пришлю к тебе постояльца, парень славный, пособит. Так-так, идете к своим, значит, ну-ну, правильно, куда ж ещё идти... – Степан попрощался, дальше пошёл.

У кладбищенских ворот толпились старушки с посудой и детвора, набирали в колонке воду. Мария и Ульяна вышли к могиле. Мария в который раз уже по памяти стала читать фамилии на белой каменной плате. Буквы дрогнули, закружились, как листопад, она уже ничего не видела, не могла разобрать, но про себя повторяла, твердила заученное наизусть.

Мария стала доставать содержимое узелка. «Ох», – вырвалось у неё, когда она неловко выронила горбушку. Ульяна помогла ей расстелить полотенце, бережно укладывая всё на широкий земляной холм, который был убран чисто. Везде на земляных столах были разложены бублики, пироги, пряники, конфеты, ржаной и сдобный хлеб.

Светло и покойно вокруг. За земляными столами сидели люди, расстелив посреди могил узорчатые, расшитые скатерти. Родительский день отмечали кто в одиночку, кто семьями, с детьми и внуками.

Высохшие губы старухи, что сидела неподалеку с опущенной головой, что-то беззвучно шептали, она то и дело поправляла

на голове платок, который сползал ей на плечи. Причитания то отдалялись, то вновь приближались, обдавали горечью молодую траву, могильные столы, венки. День растворялся в поздних откровениях, приближая слуху каждое сказанное слово, делая его отчетливым и каким-то особенным, значительным в этом мире. И казалось, что слова эти будут плыть следом, и будут слышны ещё долго, и когда прочь пойдёшь, тихо полетят следом. И Ульяна уйдёт, и те, другие, что сидят за столами, а слова и боль их останутся.

Птица клюнула крошку, взлетела и села неподалеку на берёзовую ветку. Споёт ли она свою песню, заговорит ли чистым голосом, вздохнёт? А может, с рыданием полетит дальше над полем, над лесом, над всей землей?! И кому-то далеко-далеко в этом голосе услышится боль, печаль и тревога.

Мария стояла у могилы, в глубине кладбища вдруг раскатисто зарыдал баян, и звук этот снова и снова обнажил её память, и Мария опять вдруг вспомнила, как провожали своих, будто зная уже наперёд, что не вернуться они назад.

